

ГРЕЗЫ АЛЕКСАНДРИНКИ

Оправится ли старейший в России Академический театр после долгих лет правления И.О.Горбачева?

— Критика — умелкинг!

Публика несколько опешила от такого развязного заезления путующегося в народных ялуках Сумарокова и продолжая сматрывать спектакль, к которому ждешь, в общем, не было никаких претензий. Никто и не собирался настаивать или доказывать автору громадного scenicного произведения с чудным квантизом «Шутники, или Похвальное слово Сумарокову», что Великий Ерофеев, Острожский и Сумароков — компания людей «красного круга». Это очевидно. Но в разнузданном слухе «критикологов» окрик артистически послышался на грани самодурства, которая много лет царяла в этих стенах — стенах «жидкого дома» с катинскими садиками. Прошло уж долгие годы после окончания палачьей эры правления И.О. Горбачева, стены отскоблили и перекрасили, но тень Худрука, его «каторжский метод» еще живут в Александринке. То эта тень вдруг явится и сверкает логичным пафосом мещеряй трагедии, то выскокит и пугнет степенным мещеряй мастером в неумедно выстраиванной авторской роли.

Понятно, что все черство, и театр нужно делать, однако, по возможности пощадить людей, да и надежду. Пока живых месячных премьер, устро-

енная новым худруком — директором Георгием Сашенко — наверняка задумывалась как действенное средство для построения нового театра. А «Гамлет»; поставленный Ростиславом Горлевым, став своеобразным началом зной жизни, вполне может восприниматься еще и как спектакль-«стрелочник», резко переменяющий направление движения Александринки. Именно «Гамлет», как бы ни относиться к нему, подтверждает, что луты бывшего худрука и Александринки разошлись навсегда. При И.О., например, вряд ли возможно даже соавторские фразы Розенкранца и Гильденштерна (что, в общем-то, теперь и не является никакой проблемой), не говоря уже о четкой и продуманной режиссуре.

Последовавшая вслед за «Гамлетом» scenicческая версия «Обломов», осуществленная Марком Розовским, подверглась стольким критикам, недвусмысленной obstructio. Но, возможно, для того, чтобы переменить тему, встать публике, для того, чтобы пошлы разговоры, и нужна была известная доля «жидкого эдакже».

Конечно, в «Временах с Обломовым» на вполне привычный герой. С просторного ложа разврата подпрыгивает, не в силах уснуть, не классически, а в полный обриозный гос-

подин она возрастает, а шустрыми манерами молодой-еще человек, в длинных кудрях волосах и добролюбовских очечках. Режиссер оставил лучшие романтические монологи, освобождая их от лишнего связок, слов и сравнений. Получился крепкий, профессионально сработанный моноспектакль, в центре которого не опившийся каксом сонный «бояк», а типичный, в общем, в исполнении Михаила Долгинина неконформист, не жалующий прогибаться под условностями жизни и света. Мечтатель и имеющий возможность грезить наяву. Да, он выгнал труд на своей жизни, выгнал то, что не имеет отношения к удовольствию жить мыслями, и тихо погас, оставившись, как «часы, которые забыли завестись», потому что обломовщина — отнюдь не черта национального характера, а как совершенно справедливо утверждает спектакль, судя по персональному переживанию, способ позитивного отношения к миру. Исчерпав тесное пространство узкой камерки и ушел туда, где, как будто пребывает в полном «отражении с самим собой. Ни трагедии, ни драмы особенной в твою уходи нет, как нет же и в спектакле, возможно, идиологическом удачном из соавторских премьер, последовавших за

«Гамлетом... «Хозяйка гостиницы» Карло Гальдони в постановке Владимира Воробьева занимает промежуточное положение на полуступеньке новой драмы... Этот спектакль о том, что всякий должен честно, с огоньком относиться к главному делу своей жизни. Однако мученическое завесие старинной пьесы и передняя красота прерванных костюмов И. Ведрина новой не вполне избалуют спектакль от усталой привычки и «мертвому театру». «Хозяйка» балансирует на едва уловимой грани между привычным и удивительным в новое качество. Оживляет действие разве что чудесный мажорный оркестрик (не знаю уж, чья идея включить его во все спектакли). Однако родимые пятна неживого пробрались в светлые святые — в технику актерской игры.

Положим, всякие «критикологические шутники» всегда были чужды Александринке, «сцена, да и «самбля» никто уже не требует, но следование элементарным законам scenicной драмы — должны ли здесь быть претензии к актеру и режиссеру? Мирамлинский Татьяна Редина и кавалер д Ришардета Николай Бурова кое-как ведут довольно долговую фехтовальную сцену, покалькая друг друга, а еще и шутками. Какими? Об этом

Рисунок Владимира СЕМЕРЕНКО

можно лишь догадываться по их довольным лицам. Элементарная логика анатомического ремесла требует анатомического прожжения! Но культура scenicной речи — должны ли здесь быть претензии к актеру и режиссеру? Мирамлинский Татьяна Редина и кавалер д Ришардета Николай Бурова кое-как ведут довольно долговую фехтовальную сцену, покалькая друг друга, а еще и шутками. Какими? Об этом

пожалуй, единственное прожитое ведение, с первых минут которого возникает непонятность, перестраиваясь в нестерпимый, мучительный стыд за все происходящее на сцене. Где тут же мужики в ночных рубахах, с яркими лезвиями через плечи, асеры, торжественно, радугричают, сцены из российской истории. Ахтерши, важно разводя руками, пытаются зайти в роли, которые даже тогда, полтора-

ста лет назад, в вечерах первых представлений, казались современникам фальшивыми и лживыми. «Московский телеграф» писал, что трагедия Сумаронова едва держится на хилых худулах классицизма, ничто сам трагедии его есть вольно. Ничего удивительного в том, что сейчас они, наконец, не выдержали, преддмились и обрушились, подмяв даже такую беспронгрышную тему, как арофеевские «Петушкой». Хотя почему именно «Петушкой» возникают в этом спектакле, почему с Ваной, героем, беседует в качестве ангела едва ворочающий языком ребенок, тоже непонятно. Как непонятно и то, наконец, почему «Петушкой» может, оставили бы ради порядочного ужина после первого действия, а г-ю Долгинину, в банкет, поздравив, довели бы венчик или золотой портсигар за роль Обломова...

Конечно, не могла быть равными по силе и стелени свободы от прошлого представленные в этом сезоне спектакли. Случись они в начале века в постановке, скажем, Виталия Кавалера, так Александринка, творившая, просто, давая, давая бы, «Хозяйку гостиницы», может, оставили бы ради порядочного ужина после первого действия, а г-ю Долгинину, в банкет, поздравив, довели бы венчик или золотой портсигар за роль Обломова...

Впрочем, самое главное произошло сто двадцать лет тому — а ожиревшая от избыточности труппа, в общей сложности «мертвого» театра, уже не зависит от соли, а сама — одного человека, от его представлений об искусстве в мире. Потому, дай Бог театру доброго пути — на непростой дорожке, уводящей от прошлого.

Игорь ЕБСОВ, театровед